

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Совет молодых ученых

Научно-методический отдел по работе с молодыми учеными
и специалистами университета управления
научных исследований СПбГУ

ЧЕЛОВЕК. ПРИРОДА. ОБЩЕСТВО АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Материалы

*14-й международной конференции
молодых ученых 26–30 декабря 2005 г.*

В 2 частях

Часть I

Издательство Санкт-Петербургского университета
2006

ГОРОДСКАЯ КУЛЬТУРА: ПАТТЕРНЫ И ОРИЕНТИРЫ

Когда социологи начинают изучать социокультурное пространство города, то отправной точкой изысканий, как правило, служат специфические свойства городского образа жизни. Жизнь горожанина наполняют большое число социальных связей и контактов, постоянные перемещения из одного места в другое, получение из различных источников огромного количества информации. Другими словами, современный житель города постоянно включен в социальное взаимодействие, исполняя при этом то одну, то другую социальную роль. В итоге возникает ряд вопросов. Например, как индивиду удастся совмещать множество различных социальных позиций; как происходит идентификация индивида с этими позициями; как возможно принятие и воспроизводство соответствующих им ролей; какие кризисы может порождать подобный образ жизни

Глуших Алена Юрьевна — аспирант кафедры культурологии Пермского государственного технического университета

и т. п. Здесь мы остановимся только на проблемах ориентирования и идентификации индивидов в социокультурном пространстве города.

Для разрешения поставленных задач мы встаем на позицию методологического индивидуализма. При этом условимся воспринимать индивида через призму его социальной активности. Любая социальная практика нами будет рассматриваться как практика, совершаемая в рамках социального института. На сегодняшний день в социологической теории можно обнаружить много разночтений в интерпретациях категории «институт». На смену институционализма пришли институционализмы, обладающие собственными предметными полями и категориальным аппаратом. Так, Н. Флигстин ограничивает трактовку института сконструированными правилами и законами¹. Напротив, Д. Норт отождествляет институты с нормами: «Институты — это правила, механизмы, обеспечивающие их выполнение, и нормы поведения, которые структурируют повторяющиеся взаимодействия между людьми»². В рамках антропологической школы циркулирует идея, идентифицирующая институты с *само собой разумеющимися* смыслами³.

Мы находим более инструментальным определение социального института, данное В. Радаевым: «Устойчивый комплекс формальных и неформальных правил, принципов, норм, установок, регулирующих различные сферы человеческой деятельности и организующих их в систему ролей и статусов»⁴. Таким образом, функциональное значение института заключено не только в регулировании социального взаимодействия, но и в системной организации субъектов этого взаимодействия.

Уточним задачу: нам следует реконструировать практическое ориентирование индивида в институционально организованном социокультурном пространстве города. В этой связи возникает проблема горожанина. Кто он? Асоциальный индивид, утративший свою идентичность из-за анонимности социальных контактов, бесконечных перемещений по социальному пространству, кочевник бетонированных пустынь, по известному выражению О. Шпенглера⁵. Институциональный анализ, доведенный до своего логического завершения, в иных терминах дает тот же самый ответ. Индивид — безликий актер, который исполняет свою роль строго по сценарию, не им написанному. Личные свойства индивида полагаются несущественными. М. Грановеттер в связи с этим пишет: «Поведение

актеров производно от их ролевой позиции и ролевого набора. В результате мы можем объяснить, как будут взаимодействовать друг с другом рабочие и мастера, мужья и жены, преступники и служители закона, однако изначально предполагается, что содержание их отношений ограничивается данными ролями и не имеет индивидуальных особенностей»⁶.

В социологической традиции утвердилось мнение, согласно которому процесс интериоризации социальной реальности реализуется индивидом, соотносящим свои поступки с образом действия референтных групп. Заметим, что в таком контексте референтные группы являются синонимичными институту. Индивид становится тождественным актору. Подобный подход представляется ограниченным — отслеживая действия акторов, отвечая на вопрос: что они делают? — исследователи лишены возможности зафиксировать индивидуальные особенности исполнения роли. Мы полагаем, что функционирование актора в институте не ограничивается простым следованием предписаниям, оно всегда индивидуально окрашено. Индивид вкладывает личностные смыслы в содержание роли, по своему оценивает достигаемые цели, самостоятельно расставляет приоритеты в ролевой модели поведения. Далее, эта рефлексия находит свое воплощение в практиках индивида.

Представив социальное пространство как сеть институтов, организующих социальную деятельность, необходимо концептуально «спуститься» от больших абстрактных систем до индивида. Надо обратиться к методологическому индивидуализму, т. е. взглянуть на социальное взаимодействие не с позиций организованных структур, а с позиции индивида как единицы или субъекта этого взаимодействия. Мы предполагаем, что подобный подход позволит обнаружить тот механизм, который не дает распасться личности на множество не связанных между собой идентичностей.

Итак, как происходит принятие индивидом новой для себя роли — процесс идентификации? В ходе реализации повседневных практик в индивидуальном или групповом сознании складываются определенные образы исполнения роли — шаблоны. Содержательно они представляют собой стилизованный образ действия. Речь идет об образе исполнения конкретной роли, сложившемся в сознании индивида. Стилизация шаблона означает, что образ действия содержит определенную идею или четко выраженную линию поведения. Образы действия интериоризируются индивидами, становятся ча-

стью их сознания. Шаблон должен быть воспринят и переработан внутренне.

Рассмотрим механизмы формирования шаблонов. Первый источник формирования шаблонов связан с повседневными институционализированными практиками. Речь идет о том, что сам социальный институт может обладать способностью формирования образа действия. Это происходит, если ролевое поведение акторов публично и помещено в обширную сеть коммуникаций. В данном случае шаблоны «прикрепляются» к институту, и когда индивид встает на позицию актора, ему не только предлагается в виде некоего алгоритма поведения модель исполнения роли, но и готовый образ действия. Однако парадокс по большому счету в том, что индивиды уже включены в подобные институты, являются их акторами. Если институт публичный, то роль индивидов, интериоризирующих шаблоны, подобна роли зрителей, наполняющих кинозал. От них требуется только внимание к происходящему. Все потребители теленовостей знают, как должен вести себя диктор телевидения, читая новости, по той простой причине, что они являются аудиторией этой телепередачи. Если же ролевое поведение предполагает большой объем коммуникаций, то и здесь индивид, включенный в эти коммуникации, является актором, а потому причастен институту. Исходя из изложенного, мы можем исследовать процесс включения индивида в институт с определенной долей условности, помня, что индивид уже в нем и просто меняет свою позицию, одну роль на другую.

Поскольку в первом варианте формирования шаблонов индивид интериоризирует шаблоны в процессе жизнедеятельности, совершая практики приема информации или играя оппонирующие роли, то назовем этот способ «прожитым». Уточним, речь идет только о реально пережитых практиках, будь то действия или эмоции. Обозначим эту часть социальной реальности, представленной в сознании индивида, как прожитую. Социальная реальность в статье определяется с позиций феноменологической социологии, как сумма объектов и явлений социокультурного мира, каким она предстает обыденному сознанию индивида, живущего среди других людей и связанного с ними отношениями взаимодействия.

Следующий источник формирования шаблона составляет информация, воспринимаемая индивидом посредством только коммуникационных каналов. Такими каналами могут быть как современ-

ные информационно-коммуникативные технологии, так и каналы межличностной коммуникации. Например, для того чтобы лицу, ни разу не выезжавшему за пределы России, сконструировать образ действия под названием «Я — интурист», может быть достаточно посмотреть ряд телепередач на заданную тему или послушать рассказ приятеля, побывавшего в этой роли. Этот источник, мы назовем «информационным».

Существует и иной источник формирования шаблонов — «виртуальный», не связанный с конкретной социальной деятельностью индивида. Этот источник представлен в структуре социальной реальности в виде виртуальной реальности. Виртуальную реальность составляют произведения искусства: литературные тексты, музыка, живопись, кинематограф и др., а так же и иные продукты современных рекламных, PR, игровых и иных технологий, представленные в текстовом, аудио-, видео- и цифровом видах. Все эти продукты творчества становятся частью социальной реальности в том случае, когда они воспринимаются индивидами — и теми, кому они адресованы, и всеми остальными, как свои собственные.

Структурно виртуальная реальность подобна практической реальности. На первый взгляд, их элементы неотличимы друг от друга. Видимость, однако, не означает тождества. Ее «жители» — это люди, которые живут, стремятся к своим целям, работают, дружат, любят, отдыхают, путешествуют и т. п., порой они сталкиваются с проблемами, которые успешно и эстетично разрешают. Можно сказать, что элементы виртуальной реальности более стильны, нежели подобные элементы реальности прожитой. В ней все четко определено: белое — это белое, а черное — черное. В ней все конфликты разрешаются. Все процессы завершены. Виртуальная реальность преподносит множество образов действия. Она подробно представит, как должны поступать «Хорошая Жена», «Настоящий Мужчина», «Любящая Бабушка», «Счастливый Ребенок» и т. д. Вот только насколько применимы ее «рецепты». Между виртуальной и информационной реальностью много общего, главное же отличие заключено в том, что первая создана искусственно.

Мы рассмотрели возможные источники формирования шаблонов, которые обозначили как прожитый, информационный и виртуальный. Теперь необходимо описать способы отбора индивидом шаблонов для конкретного института.

Итак, столкнувшись с новой для себя ситуацией, будучи вынуж-

денным принимать новую роль и соответствующие ей нормы и правила поведения, индивид обращается к шаблонам, извлекаемым из социальной реальности. Какие-то из них, наиболее подходящие по тем или иным причинам, принимаются им, т. е. интериоризируются; другие отвергаются или же вовсе остаются незамеченными. При этом для кого-то может быть достаточно одного образа действия, а для другого необходимо несколько. В процессе интериоризации шаблоны обогащаются новыми смыслами. Более того, скомпилированные шаблоны можно охарактеризовать, исходя из принципа: целое больше суммы составных частей. «Подготовленные» шаблоны, соотнесенные с ролевой моделью, воплощаются в практиках, в форме институционального стиля. Таким образом, интериоризация внешнего в виде шаблонов и экстериоризация внутреннего в виде институционального стиля содержательно воплощают в себе процесс габитуализации, в терминологии П. Бурдьё⁷. Особо подчеркнем, что под габитуализацией понимается не просто процесс опривычивания действительности, как полагают П. Бергер и Т. Лукман: «Любое действие, которое часто повторяется, становится образцом, впоследствии оно может быть воспроизведено с экономией усилий и осознано как образец его исполнения»⁸, но и воспроизводство самой диспозиции, побуждающей к конкретному действию.

На наш взгляд, концепция шаблонов позволяет избежать ограниченности гиперинституционализма по той причине, что она оставляет за индивидом право на индивидуальность, то право, которое индивид реализует в повседневной практике. Более того, сама концепция институтов наполняется индивидуальным содержанием. Индивид, прежде всего в облики горожанина, выступает конструктором социального института, адаптирующим его к новым реальностям, обновляющим его содержание и формы, а также добавляющим в него личные культурные смыслы.

---

¹ Флигстин Н. Рынки как политика: политико-культурный подход к рыночным институтам // Экономическая социология. 2003. Т. 5. № 1. С. 47. www.ecsoc.msses.ru

² Норт Д. Институты и экономический рост: историческое введение // Thesis. 1993. Т. 1. Вып. 2. С. 73.

³ Флигстин Н. Поля, власть и социальные навыки: критический анализ новых институциональных течений // Экономическая социология. 2001. Т. 2. № 4. С. 30. www.ecsoc.msses.ru

⁴ Радаев В. В., Шкартан О. И. Социальная стратификация. М., 1996. С. 21.

⁵ *Spengler O.* Der Untergang des Abendlandes. 1922. Bd 2. S. 108.

⁶ *Грановеттер М.* Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности // Экономическая социология. 2002. Т. 3. С. 50. www.ecsoc.msses.ru

⁷ *Bourdieu P.* Esquisse d'une theorie de la pratique. Geneve, 1972. P. 175.

⁸ *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. М., 1995. С. 89.